

Н.К. Михайловский

Сочинения

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.К. Михайловский**
Сочинения: Том 4 / Н.К. Михайловский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 518 с.

ISBN 978-5-517-97379-5

ISBN 978-5-517-97379-5

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строчка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Надо читать.</i>
2	8	этнографическія	этнографическія
12	10	жвапи	жизни
16	18	мспѣ	мепѣ
46	3	окопчаніемъ	описаніемъ
60	27	наго	него
61	19	воображеніи	воображенія
77	22	„нигилисты“	„нигилисты“
78	20—21	крайне	крайне
79	15	спридирчивости	придирчивости
82	27	собя	себя
104	3	Гёксяли	Гёксли
117	30	авторитетовъ	авторитетовъ
119	17	пзъ	изъ
121	15	западной	западной
122	22	литоратурѣ	литературѣ
125	21	необходимо	необходимо
132	13	Berlin	Berlin
134	5—4	бролить	бросить
137	въ заголовкѣ	Ю. Т. Жуковскаго	Ю. Г. Жуковскаго
138	14—13	во владѣнія	во владѣніи
143	25	боставляя	обставляя
145	1	труды	трудъ
146	8	теорія	теоріи
152	25	нами	нами
160	16	толькоодно	только одно
161	27	въ глаза	въ связи
162	18	подъ порядкамъ	подъ порядкомъ
176	20	увѣряя васъ	увѣряю васъ
178	23	философія	философін
178	3	ихъ	ихъ
184	28	не повредилъ	не повредивъ
188	6	научным и	научными
191	33	мальчики	мальчицъ
201	21	шесть	шесть
206	16	трудъ	трудъ
208	20	то да	тогда
211	8	въ	къ
228	1	ли ни за что	или ни за что
230	26	на	на
236	5	эксплуатирующихъ	эксплуатирующихъ
236	10	къ Зацѣцѣ	къ Зацѣцѣ
244	5	я огорченій	я огорченій
250	7—8	посѣтятъ	посѣтятъ
260	2	я и, таричекъ	я и старичекъ

<i>Стр.</i>	<i>Строчка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Надо читать.</i>
275	17	сверху	въ свѣтѣ
276	12—11	снизу	пальмовидныхъ
304	27—26	"	изъ и этой
309	15	сверху	извините-сь
323	6	"	отца
340	13	"	такъ
361	2	"	подали
405	6	"	был
461	16	снизу	естественно
474	7	сверху	между
481	3	"	относится
482	2	снизу	осу день
487	1	"	Потуть
519	19	сверху	осложняющимся
520	10	снизу	въ томъ
534	15	"	но
539	13	"	но слабыс
591	25	сверху	термены
593	27	снизу	неогранизованный
594	1	сверху	патентованнаго
598	17	снизу	лую
598	4	"	для
607	26	сверху	Zumen
609	17	"	общественнаго
615	23	снизу	времи
635	7	"	V
658	15	"	коррективамъ
687	23	сверху	тѣма
706	10	"	исключеніями
713	27—26	снизу	привил егіяхъ
714	1	"	дѣль
744	28	сверху	исполненіе
760	18—17	снизу	экперименаальнымъ
762	17	сверху	Додо
891	17	снизу	не
			въ совѣтѣ
			пальмелевидныхъ
			изъ этой
			извините-сь
			отца
			тамъ
			попали
			было
			естественно
			между
			относится
			осужденъ
			Но тутъ
			осложняющихся
			въ этомъ
			оно
			слабые
			термины
			неорганизованный
			патентованный
			цѣлю
			для
			Lumen
			общиннаго
			время
			IV
			коррективомъ
			тѣмъ
			исключеніями
			привилегіяхъ
			дѣло
			исполненіе
			экспериментальнымъ
			Доде
			но

Жертва старой русской истории *):

Пережитое и передуманное. Воспоминания Василя Кельсиева. Спб. 1868. Галичина и Молдавія.
Путевыя письма Василя Кельсиева. Спб. 1868.

Г. Кельсievъ былъ у насъ еще недавно героемъ дня, о которомъ думали, говорили, писали. Исторія г. Кельсиева, дѣйствительно, такова, что ему вполне подобаешь быть героемъ дня. Судьба его выходитъ совершенно изъ ряду вонъ: человекъ былъ девять лѣтъ эмигрантомъ, бросался изъ одного угла Европы въ другой, велъ самую дѣятельную революціонную агитацію, всю душу свою клалъ въ это дѣло, замѣшанъ во множествѣ политическихъ дѣлъ, счастливо пробрался въ Россію съ фальшивымъ паспортомъ, такъ же счастливо ушелъ изъ нея, получилъ неслыханный у насъ титулъ «неосужденнаго государственнаго преступника», полтора года былъ атаманомъ некрасовцевъ въ Добруджѣ, чуть-чуть не попалъ въ черкесскіе султаны и въ концѣ-концовъ воротился въ Россію, получилъ помпование и обратился въ русскаго литератора. Такая странная, пестрая судьба дѣлаетъ г. Кельсиева очень любопытныхъ психологическимъ, если не психиатрическимъ субъектомъ. Понятно, что всѣ взоры обратились на него, какъ только онъ перешелъ русскую границу и даже раньше, какъ только стало извѣстно, что корреспондентъ «Голоса» Ивановъ-Желудковъ есть не кто иной, какъ самъ г. Кельсievъ. Одни ликовали, другіе скорбѣли. Но затѣмъ, когда г. Кельсievъ издалъ своя воспоминанія, оказалось, что гора родила мышъ, и что въ фактъ возвращенія г. Кельсиева въ Россію нѣтъ поводовъ ни къ скорби, ни къ ликованію. Въ этомъ именно смыслъ и говорили о воспоминаніяхъ г. Кельсиева нѣкоторыя наши періодическія изданія, вслѣдствіе чего удѣлили особѣ г. Кельсиева по нѣсколькимъ небрежныхъ словъ. Но выпѣ г. Кельсievъ издалъ другую книгу, въ которой собралъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, свои путевыя письма изъ Галиціи и Молдавіи. Изъ этой книги оказывается, что ны-

нѣшнее міросозерцаніе г. Кельсиева, стоящее въ такой рѣзкой противоположности къ его прежнему строю мыслей и чувствъ, есть, повидному, не мнущая вепышка, что оно сидитъ въ немъ глубоко и крѣпко, что онъ готовится къ печати новое сочиненіе, иллюстрированное, въ которое должны войти его археологическія и эпиграфическія изслѣдованія. Онъ обращается къ гуцуламъ съ такими словами объ этой своей будущей книгѣ: «О, вы, бѣдные Грыньки, Грицки, Ильки, вы не прочтете моихъ строкъ, вы не будете знать, сдержалъ ли я свое обѣщаніе, что буду писать о васъ, а я пишу, какъ мнѣ это ни тяжело, и выйдетъ въ свѣтъ книга, выйдетъ съ картинками, и я постараюсь, чтобы она была переведена на другіе языки, чтобы знали люди ваше горе, вашу слѣпоту». Затѣмъ г. Кельсievъ издастъ, вѣроятно, еще что-нибудь и тамъ столь же горячо будетъ пропагандировать свои теперешніе взгляды. Нѣкоторыя особенности характера г. Кельсиева ручаются за эту горячность пропаганды и его литературную плодовитость въ теперешнемъ направленіи. Въ виду этого обстоятельства мы считаемъ полезнымъ остановиться на личности г. Кельсиева нѣсколько дольше, чѣмъ это было сдѣлано до сихъ поръ русскою печатью. Мы будемъ имѣть въ виду именно личность г. Кельсиева, а не поднимаемые и затрогиваемые имъ вопросы. Помимо деликатности и щекотливости этого рода вопросовъ, у насъ есть и другія причины для сосредоточенія вниманія исключительно на особѣ автора. Г. Кельсievъ говоритъ: «Я забирался въ захолустья и трущобы, въ которыя до меня никто изъ нашей пишущей братіи не забирался, а потому пишущая братія (я говорю собственно о дилетантахъ литературы и публицистики) судить меня не можетъ. Изъ захолустьевъ я вынесъ рядъ загадокъ. Разгадать ихъ не могу, а на общій судъ повернуть дерзаю. Прошу только объ одномъ:

*) 1868, декабрь.

чтобы меньше обращали вниманія на мою личность, а больше на вопросы, которые я поднимаю». Въ этихъ немногихъ строкахъ (пзъ предисловія къ «Галичинѣ и Молдавіи») столько противорѣчій, что мы считаемъ себя въ правѣ просьбы г. Кельсіева не исполнить. Да и какъ ее исполнить? Онъ въ томъ же предисловіи категорически заявляетъ, что съ нимъ можетъ спорить только человекъ, побывавшій въ Галиціи, и тутъ же объясняетъ, что, не напечатавъ онъ своихъ путевыхъ писемъ, у насъ не было бы *ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичинѣ* (это напечатано у г. Кельсіева курсивомъ). На чей же, спрашивается, судъ отдастъ онъ свои «загадки», и кто послѣ этого не дилетантъ по отношенію къ занимающимъ г. Кельсіева вопросамъ? Мы, лично, въ Галиціи не были и даже, откровенно говоря, и не собираемся туда ѣхать. Чтобы видѣть людское «горе и слѣпоту», забираться въ Галицію намъ, русскимъ, надобности, благодаря судьбѣ, нѣтъ. У насъ у самихъ есть «подлинповцы», есть у насъ вологжане, толпами бѣгущіе изъ своихъ деревень, есть много народу, мрущаго съ голода и вязнущаго въ умственной и нравственной грязи. Говоря о затрудненіяхъ, съ которыми строится въ Львовѣ церковь, г. Кельсіевъ замѣчаетъ, что мы, русскіе, могли бы помочь галичанамъ, но что «мы знаемъ все, кромѣ того, что творится на великой Руси». Нѣтъ, мы знаемъ кое-что изъ того, что творится на великой Руси, и чѣмъ ближе мы съ ней будемъ знакомиться, тѣмъ меньше у насъ, вѣроятно, будетъ охоты ѣхать въ Галицію и къ братьямъ-славянамъ вообще. Но мы бы, разумѣется, съ удовольствіемъ узнали что-нибудь о нашихъ дальнихъ соплеменникахъ, хотя бы они намъ и приходились седьмой водой на кисель. Мы съ удовольствіемъ позаимствовались бы у г. Кельсіева свѣдѣніями и попытались дать послѣднія разгадки на вынесенныя имъ изъ Галиціи, какъ онъ выражается, «загадки». Но, къ величайшему сожалѣнію, никакихъ загадокъ мы у г. Кельсіева не нашли. Загадки, можетъ быть, и были, но напрасно г. Кельсіевъ утверждаетъ, что онъ ихъ разгадать не можетъ. Онъ для него уже разгаданы, да и, какъ увидимъ, онъ вовсе не такой человекъ, чтобы для него въ извѣстные моменты его жизни могли существовать загадки. Вопросы, поднятые имъ, сводятся къ одному вопросу о будущности различныхъ славянскихъ племенъ, такъ что здѣсь-то и слѣдуетъ искать загадокъ. Но ничего подобнаго у г. Кельсіева найти нельзя. Онъ все разгадалъ, все рѣшилъ до мельчайшихъ подробностей. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

«Вся цѣль и идеалъ славянства состоитъ

въ томъ, чтобы слиться, во что бы то ни стало, воедино; слиться въ одинъ народъ, возымѣть одинъ языкъ, одну азбуку, одну церковь, такъ, чтобы чехъ считалъ бы себя въ Москвѣ такъ же дома, какъ великорусскій будетъ считать себя дома въ Прагѣ. Задача, стало-быть, весьма нехитрая. Полагаясь на наши грубыя плечи, полагаясь на наши тяжелыя мышцы, братья славяне могутъ къ намъ примкнуть и слѣдовать за нами, зная, что плечо наше не дрогнетъ и мышца наша не встряхнется отъ чужого удара» («Галичина и Молдавія», стр. 81).

Ради всѣхъ братьевъ-славянъ, объясните, гдѣ тутъ загадка?

«Языкъ этотъ (нашъ русскій) таковъ, что каждый славянинъ долженъ ему учиться. Этотъ языкъ готовится сдѣлаться тѣмъ въ восточной Европѣ, чѣмъ до сихъ поръ былъ языкъ французскій, тѣмъ самымъ, чѣмъ языкъ Данте сдѣлался для итальянцевъ, а языкъ Лютера для нѣмцевъ. Какіе тутъ южноруссы, какіе тутъ сербы, болгары и платдейчеры въ виду тѣхъ великихъ событий, которыя происходятъ въ дни наши, когда всѣ племена соединяются воедино?.. Первое дѣло и первый вопросъ для всѣхъ славянъ въ настоящее время состоитъ въ томъ, какъ бы слиться воедино. Что выйдетъ дальше, про то наши внуки узнаютъ, но для насъ, людей второй половины XIX вѣка, иной задачи быть не можетъ» (I. с., 84).

Неужели и это загадка?

«Насталъ часъ освобожденія не только единовѣрныхъ намъ народовъ, но уже и единоплеменныхъ, изъ-подъ чужеземнаго ига» (I. с., 147).

«И пусть идутъ (поляки). Пусть и ихъ бѣдныя головы лягутъ за завѣтъ отцовъ, благо *нынѣшняя война будетъ послѣднею*» (I. с., 328).

«Когда присоединится Галичина къ Россіи, унія въ одинъ день исчезнетъ» (I. с., 107).

«Земля русская почти собрана (недостаетъ только Восточной Галичины и части Венгріи по рѣку Тису); теперь пришло время воскресенію царствъ Греческаго, Болгарскаго, Сербскаго и Румынскаго, которыя *должны* (курсивъ въ подлинникѣ) быть нашими союзниками въ будущемъ» (I. с., 299).

И т. д. Таковы загадки г. Кельсіева, который, очевидно, былъ бы очень плохимъ сфинксомъ. Г. Кельсіевъ утверждаетъ, что онъ ихъ самъ разрѣшить не можетъ и повергаетъ на общій судъ. Мы отказываемся принять участіе въ этомъ судѣ, во-первыхъ, потому, что судить, по принципамъ *alibi*, собственно, нечего—загадокъ нѣтъ; а во-вторыхъ, мы въ Галиціи не были, слѣдователь-

но, не можем удовлетворить тѣмъ условіямъ, которыя г. Кельсіевъ требуетъ отъ своихъ судей. Правда, непосредственное знакомство съ краемъ можетъ быть въ значительной степени замѣнено чтеніемъ книжекъ о данной мѣстности, но въ настоящемъ случаѣ такого суррогата у насъ нѣтъ. Единственная книга о Галиціи, какъ говоритъ самъ г. Кельсіевъ, есть его книга, а изъ нея трудно почерпнуть что-нибудь ясное и определенное. Мы опять приведемъ примѣры.

На стр. 11-й г. Кельсіевъ утверждаетъ, что галичане платятъ правительству *треть* своего дохода. Слово *треть* онъ подчеркиваетъ и прибавляетъ еще въ скобкахъ: «Это я не ошибаюсь, что пишу *треть*». А на стр. 137-й уже оказывается, что «подать — *три четверти* (опять подчеркнута) годового дохода» и что «уменьшить ее австрийское правительство не можетъ, потому что оно въ долгахъ по уши». Неужели же такъ въ самомъ дѣлѣ и не можетъ, даже до одной *трети* не можетъ? Хотя бы изъ любезности къ г. Кельсіеву уменьшило, а то онъ только что заявлялъ и подчеркивалъ, что не ошибается въ цифрѣ *треть*...

На стр. 30-й г. Кельсіевъ говоритъ слѣдующее: «Меня особенно рѣзко поразило недостаткомъ уваженія къ церкви въ народѣ (русинскомъ), при всей его набожности и при всей его исключительно церковной жизни: въ церковь входятъ съ узлами, съ корзинами, съ разными покушками—такой безцеремонности я, помнится, нигдѣ еще не видалъ. Даже причастники явились съ узлами и, только становясь на колѣни передъ царскими вратами, отложили въ сторону свои ноши. Говорятъ, что въ костелахъ дѣлаютъ то же самое, стало-быть, это слѣдуетъ приписать католичеству». Это *стало-быть* очень мило, но не въ томъ пока дѣло. Одинъ русинъ вотъ что рассказывалъ г. Кельсіеву: «Когда москаль, дай имя Боже здоровья, ходилъ нашего цесаря спасать отъ венгровъ и отъ поляковъ», то поставилъ, между прочимъ, къ одному русину на постой солдата. «Встаетъ утромъ москаль, выпилъ аммуницію, хочетъ на службу божію идти и спрашиваетъ хозяина, чего тотъ не собируется. А тотъ смѣется: «чего, говоритъ, я пойду—это все глупость, попы выдумали, чтобы народъ обдирать». Какъ услышалъ это москаль, какъ взялъ хлопа за шиворотъ, какъ отвозилъ тесакомъ—и повелъ въ церковь. «Малый, говоритъ, ты, хохоль, дурень, не смѣй разсуждать!» Изъ этихъ фактовъ слѣдуетъ, повидимому, вывести, что уніатъ-русинъ особеннаго уваженія къ церкви, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ храма, не имѣетъ. Но это заключеніе разбивается на стр. 192 й такими словами того же самаго г. Кельсіева:

«Въ каждомъ русскомъ селѣ стоитъ церковь, иногда бѣдная, чахлая, но въ воскресенье эта церковь полна народа (съ узлами и корзинами, или безъ оныхъ?). Въ католическомъ селѣ народу въ церкви дѣлать нечего, и, сравнительно, костель всегда пустѣе церкви. Народъ ходитъ въ костель потому, что нельзя же не идти куда-нибудь въ воскресенье. Вѣка ввели это въ потребность, въ привычку, но католикъ въ костель вовсе не то, что православный въ церковь». Одному еврею г. Кельсіевъ прочиталъ такую нотацію по поводу неблагочестиваго поведенія: «Когда мы молимся, мы не прерываемъ моленья, по крайней мѣрѣ, по часу, и, выходя изъ церкви или вставая съ молитвы, не можемъ такъ легко заговорить о чемъ-нибудь житейскомъ, особенно когда нѣтъ крайней надобности. При гостяхъ, или если когда какое дѣло есть, мы лучше совсѣмъ не начинаемъ молиться, боясь осквернить высокое чувство молитвеннаго настроенія и нарушить рядъ мыслей о Богѣ чѣмъ-либо житейскимъ, будничнымъ. Мы молимся искренно и *искренно не молимся*, но Христа съ Велиаромъ не смѣшиваемъ». Подъ словомъ *мы* г. Кельсіевъ разумѣлъ въ этой нотаціи христіанъ; вообще, изъ которыхъ, пожалуй, можно выкинуть католиковъ, но сомнѣнія нѣтъ, что тѣ русины, которые въ церковь съ узлами ходятъ, Христа съ Велиаромъ не смѣшиваютъ и высокаго чувства молитвеннаго настроенія не оскверняютъ... Таковы сообщаемые г. Кельсіевымъ факты о странѣ, известной изъ русскихъ ему одному. Хотѣли вы знать экономическій бытъ галичанъ—онъ вамъ на одной страницѣ сообщить, что они платятъ въ казну треть своего годового дохода, а чрезъ нѣсколько страницъ эта треть разрастется въ три четверти. Пожелаете ли вы узнать, богомольны ли русины,—г. Кельсіевъ скажетъ *нѣтъ*, а потомъ поправитъ и скажетъ *да*. Можетъ быть, васъ интересуютъ евреи, и вы хотите знать, напримеръ, честолюбивы ли они? О, г. Кельсіевъ сію минуту разрѣшитъ вамъ этотъ вопросъ. На стр. 224 онъ вамъ категорически объяснитъ, что если христіанинъ, между прочими земными благами, мечтаетъ и о томъ, чтобы «набраться титуловъ», то «и еврею, разумѣется, того же (т. е. земныхъ благъ вообще и титуловъ въ частности) хочется, но для еврея это не составляетъ существенной потребности; для него роскошь—положительная прихоть». Ваше любопытство удовлетворено: но если вы перевернете одну страницу, то узнаете слѣдующее: «Извѣстно, что никто на свѣтѣ не имѣетъ такой слабости (какъ еврей) дѣлаться баронами. Это у нихъ доходитъ до пункта помѣпательства». Вы разводите руками... Но это, полагаю,

мелочь. Давайте же искать у г. Кельсіева фактовъ для рѣшенія вопроса, безспорно важнѣйшаго изъ всѣхъ, какіе только могли представить автору во время его путешествія по Галиціи. Что польская и русская или русинская національности въ Галиціи не ладятъ,—это дѣло всѣмъ извѣстное. Но если есть борьба, значить, есть, были или будутъ побѣдители и побѣжденные. Кто же кого? Русины ли колонизируются или поляки русифицируются? и куда тяготеютъ или влекутся уніаты—къ православію или къ католицизму? На этотъ счетъ у г. Кельсіева есть своя оригинальная мысль, которою онъ, видимо, доволенъ, потому что часто повторяетъ ее. Вотъ эта мысль: «Насильственная латинизация и колонизация добились своего: чаша перевернулась черезъ край — русскіе спятъ и видятъ возвратиться къ восточному обряду. Поляки сами проиграли свое дѣло и сами догоняли русиновъ до возвращенія къ русской жизни. Поляки кричатъ, что все это движеніе поднято русскими агентами; а здѣсь даже и говорить-то по нашему почти никто не умѣетъ. Нѣтъ, это не наша пропаганда; папы посольства и наши дѣятели даже не знаютъ о здѣшнемъ краѣ. Если есть здѣсь наша пропаганда, то ее поляки ведутъ, работая противъ насъ, но за насъ. Противъ Рѣчи Посполитой не Москва, какъ выражаются поляки, — съ Москвою, какъ со всякимъ внѣшнимъ врагомъ, можно бы справиться, — противъ нея религиозные и экономическіе интересы массы. Традиціи и традиціонный образъ дѣйствія приверженцевъ Рѣчи Посполитой — подпора русской народности. Это очень странно; но это такъ, и это можно вслухъ говорить, потому что поляки несправимы. У поляковъ все есть, кромѣ политическаго такта». Прекрасно. Значить, дѣло Польши и католицизма такъ плохо въ Галиціи, дѣйствуютъ они такъ неумѣло, что русскимъ патриотамъ нечего бояться за русиновъ; они не ополячатся и не окатоличатся, какъ потому, что сами не хотятъ, такъ и потому, что католики-поляки ужь очень плохи. Но, къ сожалѣнію, г. Кельсіевъ не даетъ читателю успокоиться на этомъ выводѣ, и на 37-й стр. рассказываетъ слѣдующій случай. Недалеко отъ Перемышля есть деревня Хлопичи, въ которой есть уніатская церковь, а въ этой церкви есть явленная икона Богородицы. Русины часто ходили молиться этой иконѣ, а за ними потянулись и мазуры—«мазуры, которые вовсе не дѣлаютъ различія между уніею и нашей схизмой и которые вовсе не прочь *смоскамитъ*». Католическіе священники немедленно устроили для мазурскихъ богомольцевъ придѣлъ въ хлопической церкви. Дѣло кончилось тѣмъ, что теперь, говорятъ, уніатовъ

въ Хлопичахъ почти нѣтъ — большинство крестьянъ обратилось въ католицизмъ. «Чудо у русскихъ, восклицаетъ г. Кельсіевъ, повело къ ополяченію русскихъ—вотъ здѣсь какая сторона!» Дѣйствительно, любопытная должна быть сторона, — нехорошо только, что путешественниковъ съ толку сбиваетъ, ну, и читателей путевыхъ писемъ въ недоумѣніе вводитъ. Но положимъ опять-таки, что случай въ Хлопичахъ—единичный случай, несколько не опровергающій общаго вывода г. Кельсіева относительно политической и религіозной несостоятельности поляковъ-католиковъ... Впрочемъ, какое ужь тутъ положимъ. Вотъ другой выводъ г. Кельсіева, изложенный имъ на стр. 345: «Почти во всѣхъ напихъ губернскихъ городахъ есть костелы, а мы до сихъ поръ еще не смекнули и не замѣтили, что въ этихъ костелахъ недостаетъ *уніатскихъ придѣловъ*. Посмотрите же, какъ распорядительны въ этомъ отношеніи поляки: они въ каждую уніатскую церковь втерли католическіе алтари, и эти алтари сдѣлали свое дѣло: дворянство и большинство мѣщанства западныхъ губерній окатоличилось. Мы—умныя головы—въ этомъ отношеніи *отлично помогаемъ имъ*, хотя святой отецъ въ Римѣ и не цѣнитъ нашихъ заслугъ. Мы кричимъ о русской народности, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей границы ополячиваются хохлы». Чему же вѣрить? Гдѣ правда въ единственной книгѣ о Галиціи? Поляки ли ведутъ русскую пропаганду, «работая противъ насъ, но за насъ»; «традиціонный ли образъ дѣйствія Рѣчи-Посполитой — подпора русской народности» или «мы — умныя головы — отлично помогаемъ имъ»?...

Итакъ, въ книгѣ г. Кельсіева нѣтъ ни «загадокъ», ни фактовъ, потому что послѣдніе другъ друга стираютъ. Слѣдовательно, предложеніе автора обратитъ вниманіе не на его личность, а на поднимаемые имъ вопросы, предложеніе это никѣмъ принято быть не можетъ. Личность же г. Кельсіева—другое дѣло, потому что для оцѣнки ея имѣются факты. Издавъ свою автобіографію, г. Кельсіевъ тѣмъ самымъ отдалъ на общій судъ всю свою бурную, богатую самыми экстраординарными приключеніями, жизнь. Г. Кельсіевъ—живое лицо, но, благодаря его книжкѣ, мы можемъ относиться къ нему, какъ къ герою какого-нибудь длиннаго, интереснаго и поучительнаго романа. Романъ этотъ дѣйствительно очень интересенъ и поучителенъ. Что касается до героя, который имъ вполне освѣщается, то на этотъ счетъ мы пришли къ тому заключенію, что многотомный романъ г. Кельсіева еще далеко не конченъ. Онъ не успокоится, и передъ нимъ еще длинный рядъ разнообразнѣйшихъ при-

ключений. Онъ будетъ еще и еще увлекаться, еще и еще проклипать свои увлеченія и называть ихъ ошибками, еще и еще подниматься и падать, и опять подниматься и опять падать. Такъ ему на роду написано, что можно безошибочно прочитать въ его воспоминаніяхъ и путевыхъ письмахъ, которыя дышатъ полнѣйшею искренностью, не смотря на то, что авторъ говоритъ подчасъ невѣроятныя вещи. Да, романъ г. Кельсіева не конченъ, и нѣкоторыя ближайшія главы его можно даже предсказать, отнюдь не претендуя на титулъ пророка. Намъ хочется этимъ заняться. Мы расскажем прошедшее, настоящее и ближайшее будущее г. Кельсіева. Во всѣ подробности мы, впрочемъ, входить не будемъ. Мы будемъ останавливаться только на тѣхъ моментахъ, которые уясняютъ основную складку ума и характера г. Кельсіева. Дѣло это мы считаемъ небезполезнымъ вотъ почему. Издалъ г. Кельсіевъ книжку, издалъ другую, готовитъ третью, собирается перевести ее на иностранныя языки, издастъ четвертую, будетъ готовить пятую и т. д. Игнорировать такой рядъ литературныхъ явленій недобросовѣстно и невыгодно. А между тѣмъ дѣлать каждый разъ выписки, сравнивать одну страницу съ другою, доказывать, что авторъ никакихъ вопросовъ не ставитъ, а рѣшаетъ, на манеръ Александра Македонскаго, вопросы давно поставленные, рѣшенія свои основываетъ на фактахъ, которые одинъ другому противорѣчатъ,—это и скучно, и длительно. Есть гораздо болѣе удобный путь. Если намъ удастся уловить психическую суть г. Кельсіева, то разъ навсегда опредѣлится значеніе его трудовъ, разъ навсегда уяснятся ихъ фальшивыя струны. Да и въ психологическомъ отношеніи любопытно: былъ человѣкъ эмигрантомъ и социалистомъ, а очутился панславистомъ; говоритъ человѣкъ: вотъ, говорятъ, вамъ загадки, разгадайте,—а загадокъ нѣтъ, а разгадывать нечего; говоритъ человѣкъ: вотъ я вамъ новые факты принесъ,—а фактовъ нѣтъ. Мы будемъ смотреть на г. Кельсіева не съ точки зрѣнія какой-нибудь литературной, общественной или политической партіи, а просто въ качествѣ психолога: посмотримъ, чѣмъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ жила душа г. Кельсіева, и изъ этихъ данныхъ выведемъ заключеніе о его личности и дальнѣйшей судьбѣ.

Прежде всего замѣтимъ, что и самъ г. Кельсіевъ настоящей своей цѣны не знаетъ, что явствуетъ изъ слѣдующихъ его словъ: «Не безъ причины же я попалъ въ эмиграцію, а другіе въ каторгу и ссылку. Неужели же вина въ государственныя преступленія исключительно личная? Не было даже

у насъ доселѣ эмиграціи, а политическіе преступники наши прошлаго или XVII столѣтія носили совершенно другой характеръ и различались отъ насъ до такой степени, что общаго между нами и какими-нибудь стрельцами, Долгорукими, Мипихами ничего нѣтъ... Если есть въ насъ сходство съ кѣмъ-нибудь и если кого мы можемъ назвать своимъ прародителемъ, то развѣ Радичева и Новикова». Отсюда видно, что г. Кельсіевъ считаетъ себя прототипомъ всѣхъ русскихъ государственныхъ преступниковъ XIX столѣтія; всѣхъ ихъ онъ ставитъ съ собою на одну доску. Г. Кельсіевъ здѣсь, очевидно, забываетъ декабристовъ и цетрашевцевъ, которыхъ судьба натолкнула на политическое преступленіе, разумѣется, совершенно не такъ, какъ его. Но этого мало. Г. Кельсіевъ можетъ служить представителемъ только развѣ ничтожнаго числа нашихъ политическихъ преступниковъ, и даже большинство его сверстниковъ, безъ всякаго сомнѣнія, было подвинуто на преступленіе иными мотивами. Г. Кельсіевъ не имѣетъ собственно никакого права до такой степени обобщать свою личную исторію. А если принять въ соображеніе, что онъ считаетъ себя представителемъ не только нашихъ политическихъ преступниковъ, а и всѣхъ такъ называемыхъ отрицателей, нигилистовъ всѣхъ оттѣнковъ (а между отрицателемъ и политическимъ преступникомъ можетъ, разумѣется, быть весьма мало общаго), то притязанія его теряютъ уже всякую тѣнь состоятельности. Анализъ условій, при которыхъ развивался г. Кельсіевъ и которыя дали его дѣятельности толчокъ въ извѣстную сторону, покажетъ это какъ нельзя лучше.

Г. Кельсіевъ былъ вскормленъ и вспоенъ литературой карамзинскаго періода и мистиками конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Еще совсѣмъ ребенкомъ онъ жадно читалъ и перечитывалъ сочиненія Карамзина, митрополита Платона, Державина, Хераскова, «Сіонскій Вѣстникъ», «Пансалвина или князя тьмы», «Старика вездѣ и нигдѣ», «Гросфилдское аббатство», «Удольфскія таинства» и проч. Понятно, какой слѣдъ должно было оставлять подобное чтеніе на впечатлительной душѣ ребенка. Воображеніе развивалось на счетъ всѣхъ другихъ умственныхъ способностей. Дѣтскій мозгъ не могъ, разумѣется, совладать съ этимъ фантастическимъ міромъ, не могъ разсмотрѣть, что герои этой литературы ходятъ на ходуляхъ, что ихъ высокіе чувства и помыслы выкрашены и обмазаны сусальнымъ золотомъ, какъ гиплыя пасхальныя яйца. Герои высоки, ихъ чувства и помысленія блестящи, и дѣтская душа рвалась въ этотъ міръ таинственнаго, великаго и прекраснаго. Г.

Кельсіевъ и теперь, послѣ столькихъ жизненныхъ бурь и кораблекрушеній, съ замѣтною симпатіей относится къ этому міру. «Литература XVIII и начала XIX вѣка, на которой мнѣ пришлось вырасти,—говоритъ онъ,—и которая мнѣ такъ же сродни, какъ и современная, имѣла то странное свойство, что обаятельно отрѣшала читателя отъ всего окружающаго, вводила его въ ворота новаго міра,—міра, неполненаго изящества, геройства, глубокихъ страстей, гдѣ не было ни дрязгъ, ни суеты житейской, и гдѣ не являлся ни одинъ Сапхо-Панчо, задававшій, какъ въ вышнейшей литературѣ, вопросы своему Донъ-Кихоту, что на какія же деньги благородные рыцари изволятъ странствовать по свѣту? Житейскій вопросъ, вопросъ обыденной жизни для этой литературы не существовалъ, и мѣщанскаго въ ней ничего не было. Она звала къ подвигамъ, она развивала мечтательность и зарождала въ душѣ инстинктъ ко всему высокому и изящному». Таковъ фундаментъ развитія г. Кельсіева. Мы обращаемъ на это обстоятельство особенное вниманіе читателя, равно какъ и на то, что и теперь даже, въ приведенной тетради, написанной въ 1868 г., сквозитъ симпатія къ «насъ возвышающему обману» въ ущербъ «тѣмъ низкимъ истинамъ».

Изъ воспоминаній г. Кельсіева видно, что онъ былъ мальчикъ до крайности мечтательный, и что ни дома, ни въ школѣ не нашлось трезвыхъ элементовъ, достаточно сильныхъ для парализованія такой односторонности. О тогдашнемъ воспитаніи мы имѣемъ очень опредѣленные и ясныя понятія, и потому можемъ повѣрить г. Кельсіеву на слово, что онъ росъ «въ всякаго умышленнаго движенія». Всѣ умственные силы его концентрировались, какъ въ фокусѣ, въ воображеніи, и расходывались на чтеніе вышеозначенныхъ книгъ, къ которымъ прибавились потомъ романы Дюма и русскихъ писателей въ родѣ Кукольника, да на постройку самыхъ невозможныхъ фантазій, гдѣ самъ фантазеръ фигурировалъ въ видѣ какого-нибудь героя. Часть дѣтской жизни очень многихъ изъ насъ ушла на подобное неестественное усиленіе воображенія; но недостатокъ парализующихъ элементовъ и изъ ряду вонъ выходящая впечатлительность г. Кельсіева сдѣлали то, что фантастическая заставка легла въ основаніе всего его умственного склада, и все, что потомъ входило въ его жизнь, какъ ингредиентъ его нравственнаго существованія, должно было предварительно перебродить въ этой заставкѣ. Въ ней зародился и развился и политическій червь, точившій г. Кельсіева всю жизнь и точащій его по сіе время. О политическихъ дѣлахъ мальчикъ не имѣлъ,

никакого понятія, и г. Кельсіевъ рассказываетъ по этому поводу нѣсколько очень забавныхъ анекдотовъ. Не смотря, однако, на это невѣдѣніе, онъ весьма сочувствовалъ декабристамъ, рассказы о которыхъ окружались въ то время мракомъ таинственности, и которыхъ онъ рисовалъ себѣ въ видѣ заговорщиковъ въ черныхъ плащахъ на красной подкладкѣ, съ кинжалами въ рукахъ и проч. Нечего и говорить, что онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что это были за люди, какія у нихъ были дѣла и проч. Онъ любилъ ихъ «точно такъ же, какъ любилъ всякихъ графовъ С.-Жерменъ, Каліостро, Пиеагора, египетскіе гіероглифы, Экартсгаузена и вообще все загадочное и таинственное». Наступилъ 1848 годъ, 1849, Европа забушевала; а тутъ случилась исторія Петрашевскаго. Все это доносилось до юнаго г. Кельсіева урывками, подъ покровомъ таинственности, и его все сильнѣе и сильнѣе манила къ себѣ роль политическаго дѣятеля, то-есть не самая роль, потому что онъ ее не понималъ и не могъ понять, а обстановка этой роли.

Тѣмъ временемъ явилась натуральная школа съ своимъ безошаднымъ анализомъ и безошаднымъ зримымъ смѣхомъ сквозь незримыя слезы. Это было совершенно новое міросозерцаніе, діаметрально-противоположное ходульному и мншурному міросозерцанію предшествовавшаго періода литературы, и между ними началась борьба за существованіе въ умахъ русскихъ людей. Г. Кельсіевъ мастерски (съ точки зрѣнія изложенія, въ сущности же довольно сбивчиво) рисуетъ ту психическую раздвоенность, которую ему въ ту пору приходилось выносить. Приводимъ его послѣднія слова: «Вся тогдашняя литература, особенно переводная, на которой мы воспитывались, вся она совершенно шла въ разрѣзъ съ нашей натуральной школой и приучила насъ видѣть въ себѣ героевъ, думать о заговорахъ, о побѣгахъ изъ тюремъ, услаждать себя мыслью о смерти на плахѣ и мечтать о томъ, какъ будешь рисоваться въ обществѣ въ качествѣ или общественнаго дѣятеля, или вездѣсущаго, всевѣдущаго и до невозможности ловкаго конспиратора. Въ полномъ невѣжествѣ общественной жизни, въ полномъ незнаніи ея вопросовъ, при отсутствіи всякой политической практики и опытныхъ политическихъ руководителей, мы росли на французскихъ романахъ, на уваженіи ко всему таинственному и необыкновенному и на сочувствіи къ заговорамъ и заговорщикамъ и, въ то же время, жадно слѣдили за произведеніями натуральной школы, которая развивала въ насъ способность если не все, то многое

отрицать, и приучила насъ въ то же время сначала къ психическому, а потомъ и къ социальному анализу. Бочка пороху была готова, стоило бросить искру, и искра эта не заставила себя ждать: крымская война грянула!»

Здѣсь оканчивается періодъ дѣтства г. Кельсіева. Какъ разъ къ началу крымской кампаніи онъ кончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ. И отсюда начинается рядъ смѣняющихся другъ друга, взаимно исключяющихъ увлеченій и покаяній. Вступилъ г. Кельсіевъ въ жизнь, въ интеллектуальномъ отношеніи, какъ его мать родила. Никакой болѣе или менѣе твердой опоры у него не было,—ни научной подготовки, ни сильно развитого социального чувства, ни знанія общества и его нуждъ; словомъ, ничего такого, что бы могло послужить вѣхамъ на его жизненномъ пути. Не было у него подъ ногами никакой почвы, и стоялъ онъ отъ всего, что волнуетъ живыхъ людей, далеко, далеко, въ заслѣпленномъ мірѣ фантазій. Натуральная школа только сползнула по его уму и не могла поколебать основную фантастическую закваску. Въ другихъ борьба между нашимъ литературнымъ мистицизмомъ и романтизмомъ съ одной стороны и натуральной школой съ другой—не могла долго тянуться. Вѣдь, кто способенъ былъ понять новое «вѣяніе», какъ выразился бы А. Григорьевъ, должны были сразу ухватиться за него, какъ за якорь спасенія, они должны были сдѣлать скачокъ, потому что и сама натуральная школа была гигантскимъ скачкомъ. Г-на Кельсіева натуральная школа, быть можетъ, даже заставила еще крѣпче ухватиться за міръ ходулъ и сусального золота, хоть онъ и говоритъ, что «понималъ всю вопіющую ложь романтизма». И это совершенно понятно, потому что новое міросозерцаніе стояло въ слишкомъ рѣзкой противоположности къ этому небывалому, во чудному міру, которымъ г. Кельсіевъ успѣлъ уже насквозь пропитаться; между ними не было никакого перехода, никакой постепенности, которая могла бы приучить г. Кельсіева смотрѣть на вещи иначе. Его изъ-подъ горячаго крана прямо посадили подъ холодный,—ощущеніе въ высшей степени неприятное, болѣзненное, и ему жалъ было своихъ мширныхъ героевъ. Но онъ переросъ ихъ, возврата къ нимъ уже не было, а фантастическая закваска осталась и требовала себѣ пищи. Пища нашлась, разумѣется.

Опредѣленныхъ стремленій у г. Кельсіева не было никакихъ. Онъ сталъ заниматься восточными языками, но не въ силу пониманія ихъ значенія, не въ силу сознательной потребности, а «вслѣдствіе своего общаго

мистическаго и фантастическаго настроенія». Началась крымская кампанія, и г. Кельсіевъ пожелалъ поступить въ военную службу. «Мнѣ мечталось быть юнкеромъ, офицеромъ, говоритъ онъ, идти съ своимъ войскомъ на батарею, на приступъ. Мнѣ казалось, что я могъ бы оказать чудеса храбрости». Г. Кельсіевъ объясняетъ такое свое настроеніе патриотизмомъ и народною гордостью. Но едва-ли не вѣрнѣе объяснить его тою же фантастичностью и разнузданностью воображенія, хотя и патриотизмъ могъ тутъ играть пѣкаторую не важную роль. Г. Кельсіеву хотѣлось подвиговъ, славы, хотѣлось явиться передъ обществомъ и передъ самимъ собой увѣнчаннымъ лаврами или даже картиною умереть на полѣ битвы. Но онъ настолько уже выросъ, что долженъ былъ для него существовать и вопросъ: за что умереть? Отвѣтъ подсказалъ историческій моментъ: за Россію! И г. Кельсіевъ сдѣлался патриотомъ. Въ военную службу онъ однако не поступилъ. На другой день послѣ того, какъ онъ уже написалъ прошеніе о принятіи его на военную службу, вышло распоряженіе, чтобы всѣхъ вольноопредѣляющихся и вообще повнчковъ не пускать въ дѣло, а оставлять въ резервѣ. Умереть картиною на полѣ битвы, воротиться со щитомъ или на щитѣ не представлялось, значить, возможности. И г. Кельсіевъ отъ военной службы отказался. Ясно, что патриотизмъ стоялъ у него не на первомъ планѣ. Здѣсь, впрочемъ, сказалося и другое качество г. Кельсіева,—онъ не можетъ отдѣлится слова отъ дѣла. Г. Кельсіевъ—человѣкъ увлекающійся и энергичный. Если онъ предается чему-нибудь, то предается цѣлкомъ и беззаветно. Въ этомъ его оправданіе и глубокое несчастіе. Эта цѣльность, вмѣстѣ съ его фантастичностью, именно и бросаетъ его отъ одного увлеченія къ другому, противоположному; и въ странномъ сплетеніи этихъ двухъ качествъ лежитъ ключъ къ объясненію всей его пестрой жизни. Г. Кельсіевъ жаждетъ дѣятельности, и дѣятельности не обыденной, а такой, въ которой можно было бы явиться героемъ; драпировка и аксессуары были ему нужны, а до направленія и цѣли этой дѣятельности ему дѣла не было. Направленіе и цѣль опредѣлились помимо его выбора. Но разъ они опредѣлились, онъ уже сталъ искреннимъ патриотомъ, и ему уже не просто картиною умереть хотѣлось, а картиною умереть за отечество. Благодаря фантастическимъ героическимъ наклонностямъ, его внезапно вспыхнувшій патриотизмъ принялъ очень узкое теченіе. Казалось бы, что вѣдь отечеству можно служить и не саблей только, а г. Кельсіеву какъ будто предстояла дилемма: или военный патриотизмъ или никакого. Да

и съ чего-жъ ему было проникнуться желаніемъ служить родной землѣ какъ-нибудь иначе? Какія тамъ были дѣятельности? Кропотливый трудъ ученаго, чиновника, скромная работа литератора, наконецъ трудъ физическій,—все это такъ мизерно, такъ плоско, такъ мало выдается впередъ, раскрашено такими блѣдными красками, что ему, мечтавшему о блескѣ и величіи, трудно было помириться съ такой незавидной долей. Возможность служить отечеству при трубныхъ звукахъ, среди свиста пуль и въ пороховомъ дыму, у него отняли, и онъ такъ же быстро бросилъ свой патріотизмъ, какъ и ухватился за него,—опять засѣлъ за восточные языки. А когда сама жизнь вступила въ число писателей натуральной школы и продиктовала исторіи знаменитую трагикомедію въ духѣ этой школы,—крымскую кампанію, г. Кельсіевъ, какъ теперь самъ утверждаетъ, проявилъ уже полнѣйшее отсутствіе патріотизма. И таковы всѣ его увлеченія до вчерашняго. Какъ фантазеръ, онъ видитъ всегда только одну сторону дѣла, и именно ту, которая открываетъ поле для геройскихъ подвиговъ; какъ человѣкъ энергическій и глубоко честный, онъ отдается односторонне понятому имъ дѣлу весь, безъ остатка. Равновѣсіе нарушается, и онъ летитъ стремглавъ, проклинаетъ свое увлеченіе, предается отчаянію, а вдали уже мерцаетъ для него какая-нибудь новая приманка,—новое поле для геройскихъ подвиговъ; онъ хватается за него, разыгравшееся воображеніе опять мѣшаетъ ему разсмотрѣть всѣ стороны дѣла, а ухлопываетъ онъ опять-таки себя всего.

Г. Кельсіевъ горько кается за то увлеченіе, съ которымъ онъ, вмѣстѣ съ другими, напалъ, послѣ крымскихъ неудачъ, на правительство, равно какъ и въ своемъ западничествѣ и нигилизмѣ, которые довели его до эмиграціи. Въ періодъ этого нигилизма онъ, вѣроятно, столь же горько жался въ своемъ минутномъ военномъ патріотизмѣ. Но теперь, оглядываясь на свое прошлое, онъ умалчиваетъ объ этомъ покаяніи по очень естественной причинѣ. Онъ оглядывается въ извѣстномъ настроеніи, къ которому его ребяческій патріотизмъ подходитъ ближе, нежели его ребяческій нигилизмъ. Если бы онъ писалъ свои воспоминанія нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они получили бы, разумѣется, совершенно иную окраску, и въ нихъ наиболѣе выдвинулись бы и получили бы наиболѣе, такъ сказать, праздничный, свѣтлый видъ увлеченія и покаянія противоположнаго характера. Мы уже говорили о сбивчивости разсказа г. Кельсіева. Она объясняется очень просто. Г. Кельсіевъ пережилъ и передумалъ нѣсколько міросозер-

цаній. Вчерашнее замалевываетъ третьегондншнее, сегодняшнее замалевываетъ вчерашнее. Но мѣстами изъ-подъ позднѣйшаго наслоенія выглядываетъ клочокъ предыдущаго, которое, въ своей общности, уже давно улетучилось изъ головы г. Кельсіева. Вотъ примѣръ. «Не въ Россіи же намъ искать было истины и разрѣшенія всякаго рода загадокъ,—говоритъ авторъ воспоминаній,—не въ Домострой же намъ пускаться, не по Кормчой же устраивать жизнь и не справляться же о государственномъ правосудіи и неправосудіи въ Судебникахъ и въ Уложеніи».—Вы видите, что это говоритъ западникъ и нигилистъ, и говоритъ искренно. Но г. Кельсіевъ уже отрекся отъ западничества и нигилизма, и тутъ же дѣлаетъ такую приписку позднѣйшей формации: «Если бы въ самомъ дѣлѣ въ этихъ Домострояхъ, Кормчихъ, Судебникахъ и Уложеніяхъ заключались какія-нибудь великія истины и если бы изъ нихъ и можно было позаимствоваться уроками для будущаго и разъясненіями для настоящаго, мы не обратились бы къ нимъ по той весьма простой причинѣ, что эти почтенныя произведенія ума и сердца человѣческаго не только никакою репутаціей на Западѣ не пользуются, но извѣстны тамъ менѣе Магабгараты и законы Ману. Не знаютъ на Западѣ, стало быть, вниманія не заслуживаютъ».—Здѣсь слышится еще насмѣливое отношеніе къ Домостроямъ и Кормчимъ, но достается уже и западничеству. А дальше ужъ совсѣмъ въ новомъ духѣ идетъ. Бываетъ и наоборотъ, что старое, уже пережитое и сданное въ архивъ, подкрашивается новымъ. Разсказываетъ, на примѣръ, г. Кельсіевъ о томъ, какъ онъ разговаривалъ съ однимъ евреемъ. Разговоръ происходилъ тогда, когда г. Кельсіевъ еще «вѣрилъ въ Польшу» и полагалъ, что «евреямъ при польскомъ правительствѣ будетъ легче, чѣмъ при нашемъ». И тѣмъ не менѣе, г. Кельсіевъ ухитряется передать свою бесѣду съ евреемъ такимъ образомъ:

«— Да, отвѣчалъ я, вотъ незадолго до моего отъѣзда я былъ въ Лондонѣ на одномъ польскомъ митингѣ, гдѣ слышалъ между прочимъ оратора еврея, уроженца Виленской губерніи. Зачѣмъ онъ попалъ въ Англію, я не знаю; но *этотъ господинъ изво-мль* говорить, что евреи такіе же граждане земли польской, какъ сами поляки, и что если бы поляки не оскорбляли ихъ, а искренно признали ихъ своими братьями, то еврейская молодежь точно также взяла бы ружья и косы и отправилась бы избивать и изгонять русскихъ, *уметающихъ* (курсивъ въ подлинникѣ) польскую народность» (Галичина и Молдавія, 216).

Здѣсь *le tor fait la musique*. Вслушай-